Елисеев, А. Б. Размышления над книгой: Жилищная и градостроительная политика в СССР: размышления над двумя монографиями по проблеме / А. Б. Елисеев, В. И. Меньковский // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 6 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск БГУ, 2011. — С. 293 – 302

А. Б. Елисеев, В. И. Меньковский

ЖИЛИЩНАЯ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СССР: РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ДВУМЯ МОНОГРАФИЯМИ ПО ПРОБЛЕМЕ

За последние два десятилетия российская историческая наука осуществила беспрецедентный «прорыв» в советское прошлое. В общих концептуальных очертаниях и в каждой конкретной детали советская история скрупулезно изучается. Разнообразие методологических подходов, интерпретаций источникового и конкретно-исторического материала позволило сформироваться десяткам научных концепций, подходов, объяснений. Благоприятные внешние факторы, а также общемировые тенденции развития самой науки создали условия для постоянного расширения проблематики, формулировки все новых и новых тем исследований. Объектом изучения становятся уже не годы и даже не дни; то или иное историческое событие или явление изучается по часам и минутам. Но и при такой ситуации, когда наука о советском прошлом каждый час обогащается открытиями, остаются области знаний, едва затронутые новыми подходами, поиском новых источников и объяснений. К таковым относятся тесно связанные друг с другом история реконструкции и строительства городов и жилищная политика в СССР. К сожалению, малотиражность современной научной литературы не всякое новое исследование с этой области делает общеизвестным и даже доступным. Тем более нельзя пройти мимо двух исследований по этой теме, которые вышли недавно в серии «История сталинизма». Речь идет о монографиях «Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917—1937 годы)» [1] и «Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928—1932 гг.)» [2]. Первая книга посвящена жилищной политике в Советской России, а затем в СССР в период от прихода большевиков к власти и до конца второй пятилетки, вторая — советской градостроительной политике в годы первой пятилетки. Близкие по тематике, эти исследования объединены и общей авторской концепцией — жилищная политика и строительство новых городов рассматриваются как средство манипулирования и управления людьми, принуждения либо стимулирования их к труду, продуманный механизм контроля над их поведением, рычаг тотального воздействия на всех без исключения советских граждан.

В обеих книгах дана критическая оценка работы предшественников. М. Г. Меерович, Е. В. Конышева, Д. В. Хмельницкий подчеркивают, что состояние советской жилищной и градостроительной политики «сталинского периода оказалось так надежно сокрыто за пластами мифологизированного прошлого, что проще начинать реконструировать историю заново» [2, с. 12]. По их оценкам, в опубликованной в СССР литературе по архитектуре и градостроительству рассказывается не более чем о 5—7 % того объема жилья, которое реально проектировалось и возводилось, а более 90 % соответствующей информации либо замалчивалось, либо идеологически приукрашивалось. Такая ситуация породила, в свою очередь, научную проблему, а именно отсутствие правдивых исторических знаний о реальных процессах формирования среды советских городов, о реальной типологии советского жилища, о содержании архитектурных замыслов и трудностях их практического воплощения [2, с. 11]. В результате архитектурное и градостроительное знание о периоде 1920—1940-х гг. «до сих пор остается зоной, где властвуют старые шаблоны и штампы» [2, с. 12].

Елисеев Алексей Борисович — доцент кафедры гуманитарных наук Минского филиала Московского государственного университета экономики, статистики и информатики, кандидат исторических наук; **Меньковский Вячеслав Иванович** — профессор кафедры истории России Белорусского государственного университета, доктор исторических наук

Шаблонов не удалось избежать даже европейским исследователям советской жилищной политики, которые соглашались с теми объяснениями дефицита жилища, которые давала сама советская власть (отсутствие строительных материалов, финансовые трудности, нехватка трудовых ресурсов и т. п.). «Иного европеец и помыслить не мог. Не специально же советская власть все это делала! Оказывается специально! — пишет М. Г. Меерович. — ...Жилищная политика осознанно использовалась советской властью как мощное и эффективное средство управления людьми...» [1, с. 5]. При этом М. Г. Меерович все же отмечает, что в советской историографии не отрицалась зависимость между жилищным кризисом и индустриализацией и коллективизацией, указывалось на связь между концентрацией усилий по возведению промышленных предприятий с массовым притоком к ним отрываемого от земли крестьянского населения и отставанием в вопросе удовлетворения потребностей населения в жилище, открыто говорилось о дефиците жилища по причине недостаточных темпов жилищного строительства. Однако она никогда не указывала на то, что сама государственная жилищная политика была главной причиной жилищного кризиса в стране [1, с. 7]. Между тем именно в этом, по мнению автора, лежит ключ к пониманию процессов, которые происходили в сфере жилищного строительства в СССР: дефицит жилища был выгоден власти, она сознательно ограничивала все формы появления и распределения жилища, кроме государственного, что и позволяло ей использовать его как средство управления людьми [1, с. 7].

В монографии «Наказание жилищем...» М. Г. Меерович последовательно воссоздает этапы и механизмы такой жилищной политики, которая позволяла наиболее эффективно достигать эту цель. Суммирование всех факторов показывает, что всеобщий контроль и управление населением посредством жилища стал возможен через использование ряда приемов:

1. *Национализация и экспроприация жилища.* Все права обладания и распоряжения, возведения и эксплуатации жилища были сосредоточены в руках большевистского государства.

2. *Создание коммунального жилища.* Реквизиция и уплотнение квартир буржуазии привели к появлению коммунальных квартир «покомнатно-посемейного заселения». Контроль над распределением и уплотнением комнат, заселением и выселением жильцов был передан Центральным жилищным комиссиям. М. Г. Меерович обращает внимание, что идея формирования коммунального жилища возникла не на пустом месте — она опиралась на коллективистские отношения деревенской общины. Коллективистская крестьянская среда регулировала поведение членов общины, оказывала принудительно-воспитательное воздействие на тех, кто не хотел работать, требовала непритязательности и уравнительности в быту и в общественной жизни, то есть предполагала все то, что закладывалось советской властью в основу формирования городских трудо-бытовых общностей [1, с. 34]. В коммунальном жилище как специфическом типе совместного существования членов одного трудового коллектива власть сознательно и целенаправленно восстанавливала в городе привычные выходцам из деревни традиционные истоки культурно-бытового и трудового сосуществования [1, с. 38].

3. *Формирование «трудо-бытовых коллективов».* Коммунальное жилище позволяло власти формировать производственные коллективы, члены которых жили вместе. Поскольку в таком случае все находились на виду друг у друга, «трудо-бытовой коллектив» становился регулятором поведения людей, способствовал контролю за настроениями и мыслями, исключал возможность самоорганизации для противодействия власти [1, с. 115]. По мнению Мееровича, создание таких коллективов было стратегической целью власти, позволявшей надежно прикрепить человека к рабочему месту именно при помощи манипуляции жилищем.

4. *Реализация Новой жилищной политики* (*НЖП*). Введение НЖП в 1921 г. было вызвано необходимостью восстановления жилого фонда через возвращение в жилищное хозяйство личной инициативы, персональных денежных средств и частной собственности [1, с. 56, 131—135]. Отказавшись от хозяйственных обязанностей по обслуживанию жилища, власть сохранила за собой административное право — контролировать и принуждать всех жильцов к ис-

полнению возложенных на них обязательств по поддержанию жилищного фонда [1, с. 58—59]. Часть жилого фонда, особенно находящегося в аварийном состоянии, была возвращена бывшим владельцам. Но частным в полном смысле слова это жилье не стало, поскольку право распоряжаться им власть сохранила за собой: вселение жильцов в частное жилище производилось по постановлениям жилищных и коммунальных отделов [1, с. 66—70].

5. *Создание государственной системы осуществления жилищной политики.* Высшим органом управления коммунальным хозяйством стало Главное управление коммунального хозяйства (ГУКХ) НКВД. С 1922 г. государственная жилищная политика была законодательно возложена на НКВД, который стал главным субъектом этой политики. По мнению автора, НКВД оказался единственным органом, способным осуществлять весь комплекс мероприятий, связанных с использованием жилища как средства принуждения к труду, оптимизации миграций, меры наказания, способа привязки к месту работы, средства поощрения, дисциплинирования и подчинения [1, с. 82]. Система жилищной политики имела иерархическую структуру, подчиненную непосредственно НКВД. Помимо ГУКХ НКВД, в нее входили Центральный совет жилищной кооперации, центральные жилищные отделы, городские коммунальные отделы, городские союзы кооперативных товариществ, районные жилищные отделы и отделы недвижимых имуществ, районные союзы кооперативных товариществ.

6. *Система управления домовладениями.* К естественной функции домовых комитетов по ведению домового хозяйства власть добавила административно-фискальные и силовые функции. Отказ домовых комитетов от их выполнения вызвал карательные меры со стороны власти, а также включение домкомов в общую иерархически выстроенную структуру аналогичных по функциям органов управления жилищным хозяйством (квартирных комиссий, уличных, участковых и районных жилищных комиссий, жилищных советов) [1, с. 42—44]. В 1920-х гг. появились должности «заведующего домом», «управляющего домом», «квартуполномоченного», а также «домовые служащие» (дворники, сторожа и др.), на которых были возложены функции контроля, догляда, доносительства: «Эксплуатационно-хозяйственные и организационно-информационные обязанности — это скорее вынужденная побочная функция основного процесса: контроль над жизнью и деятельностью людей» [1, с. 99].

7. *Распределение ведомственного жилища.* Советская жилищная политика исключала возможность свободного приобретения жилища. Его можно было получить только по месту работы. Закрепление жилища за администрациями предприятий и советских учреждений позволяло последним формировать устойчивые трудовые коллективы, так как каждый рабочий или служащий в случае потери работы терял и право проживать в полученном от предприятия жилище. В 1924 г. декрет ВЦИК и СНК предписал безоговорочное выселение из принадлежащих данному предприятию или учреждению домов всех посторонних граждан [1, с. 120].

8. *Различное отношение к «социально чуждым» и «социально близким» категориям населения.* Советская власть предоставляла жилище трудящимся и лишала его нетрудящихся. При этом если неработающие встречались среди «социально близких», то к ним применялись, как правило, воспитательные меры, в то время как к нетрудящимся «социально чуждым» жилище однозначно использовалось как «репрессивно-дискриминационная мера» [1, с. 170]. Власть заботилась о предоставлении жилища только трудящимся, так как исходила из приоритетов индустриального развития и целей формирования стабильных трудо-бытовых коллективов, чтобы удержать людей на производстве. До всех остальных «ей в лучшем случае нет дела, а в худшем — она обращает на них лишь дискриминационные, воспитательные и принудительные стороны своей жилищной политики» [1, с. 174]. Неодинаковое отношение к своим и чужим проявлялось и в запрещении участвовать в жилищной кооперации так называемым «лишенцам» (включая членов их семей) — довольно большой категории граждан [1, с. 237].

9. *Введение паспортов, трудовых книжек и прописки.* Введенные в 1932 г. паспортная система и прописка осуществили законодательную привязку населения к месту проживания, а

трудовые книжки, появившиеся в 1938 г., стали еще одной мерой прикрепления населения к месту работы. История трудовых книжек берет свое начало в 1918 г., когда были введены «трудовые книжки для нетрудящихся», выдававшиеся лицам, живущим на нетрудовой доход. Уже тогда они являлись средством принуждения «нетрудящихся» к труду [1, с. 199].

10. *Система жилищной кооперации.* В советских условиях жилищная кооперация была управляемой и контролируемой. Власть добилась этого двумя путями: создавала новые кооперативы, которые изначально были подчинены ей, реструктурировала старые кооперативы (переходом на новые уставы, заменой руководящих органов), в результате чего также подчиняла их себе. В случаях реорганизации жилищным товариществам предоставлялся целый ряд льгот. Значение жилищной кооперации для власти состояло в том, что она несла «реальную организационно-хозяйственную нагрузку по непосредственному ведению жилищем», пользовалась доверием населения, привлекала денежные средства для ремонта жилищ, обеспечивала бесплатный труд своих членов [1, с. 248, 261]. Право распоряжения и изъятия жилищной площадью власть оставила за собой, а в случаях сопротивления жилтовариществ объявляла их «лжекооперативами», ликвидировала их либо инициировала перевыборы органов управления, усиливала контроль со стороны вышестоящих органов и т. д. [1, с. 261—264].

Взаимосвязь всех названных элементов позволяет М. Г. Мееровичу определить жилищную политику в СССР как средство управления людьми. Центральным понятием, которое использует автор при реконструкции жилищной политики, является понятие *«власть»*. «Власть стремится», «власть создает», «власть контролирует», «власть отменяет», «власть наказывает», «власть принуждает». В самом начале монографии подчеркивается, что его задачей является именно такой ракурс рассмотрения проблемы: «...изучение как бы “сверху”, то есть со стороны целенаправленного проведения жилищной политики» [1, с. 8]. При таком подходе, как справедливо подчеркивается здесь же, «“высвечивается” лишь то, что было допущено властью» [1, с. 8]. Но «власть» — категория не абстрактная, это совокупность конкретных органов: ЦИК, ВЦИК, СНК, ВСНХ, народные комиссариаты и т. д. И интересы этих органов в жилищной политике могли оказаться различными. Автор показывает, что усилия различных органов власти в осуществлении жилищной политики могли не совпадать. В частности, интересы народных комиссариатов были направлены на то, чтобы усилить контроль за ведомственным жилищем и превратить его в средство воздействия на подчиненных. Такое стремление было обусловлено озабоченностью состоянием трудовых коллективов. Наркоматы и администрации предприятий не видели «никаких иных средств принудительного воздействия на рабочих, кроме как привязать их к производству за счет ведомственного жилья» [1, с. 117]. Наркоматы и администрации предприятий добивались права выселять из закрепленного за ними жилья всех посторонних лиц, не работающих на данных предприятиях.

Интересы НКВД лежали в другом направлении — укрепить гарантии граждан во владении жилищем, в том числе гарантией невыселения, так как это повышало ответственность жильцов за содержание жилища [1, с. 117]. В свою очередь СНК РСФСР в этом споре занял сторону наркоматов, предоставив им право выселять граждан, не принадлежащих к данному предприятию или учреждению, из ведомственных домов. В 1924 г., как уже отмечалось, такое право было за администрациями закреплено [1, с. 120].

Получение жилья становилось возможным, таким образом, только по месту работы и только на срок, пока человек работал на предприятии. Такой порядок распределения ведомственного жилья сохраняется и по сей день, и надо признаться, что многие и сегодня готовы пойти на любую работу, которая гарантировала бы им предоставление жилища или хотя бы перспективу его получения. Здесь, что называется прямой выход на современность (историку нельзя ее игнорировать), в свете которой предоставление любого жилья по месту работы (даже одной кровати в комнате общежития) нередко является причиной выбора именно этого места работы из-за невозможности приобретения собственного жилья. Так что нашему со-

временнику принцип «наказания жилищем», применявшийся советской властью, мог бы показаться не таким уж и скверным, если он — современник — действительно намерен добросовестно работать. Что значит — «наказывать жилищем»? Это значит, по каким-то причинам лишать человека крыши над головой. Являясь единственным владельцем и распорядителем жилища, советская власть на практике реализовывала принцип «наказания» им. Кто же подвергался этому наказанию? Как отмечает М.Г. Меерович, это так называемые «нетрудящиеся» или «плохо трудящиеся» категории граждан, т. е. те, кто вовсе не хотел работать (от нежелания сотрудничать с советской властью до закоренелого тунеядства), либо те, кто лишь имитировал интенсивный труд, а на самом деле прогуливал или лоботрясничал на рабочем месте: «Плохо трудящимся гражданам власть предлагает выбор — продолжать отлынивать от работы, прогуливать, пьянствовать и в результате оказаться уволенным и автоматически выселенным из занимаемого помещения или исправиться» [1, с. 149]. Несмотря на то, что жилище в руках власти «все в большей и в большей степени» становится «средством борьбы с любым противодействием ей» [1, с. 167], в монографии нет примеров реального применения принципа «наказания жилищем» по этой причине. Наоборот, многократно повторяется, что он использовался главным образом к тем, кто не хотел работать, прогульщикам, лодырям, пьяницам [с. 141—142, 148, 149, 150, 158, 159, 161, 164, 210].

Формулируя начальный тезис о том, что «жилищная политика осознанно использовалась советской властью как мощное и эффективное средство управления людьми», М. Г. Меерович сразу же сужает объем заявленного тезиса: «...в частности, как средство дисциплинарного воздействия на “нетрудящихся” или “плохо трудящихся”» [1, с. 5]. В дальнейшем тезис будет доказываться именно таким образом. Говоря о значении трудо-бытовых коллективов, автор особый акцент делает на следующем: «...За счет единства коллективно-трудовых и коллективно-бытовых отношений должна создаваться такая моральная обстановка, в которой прогульщики и нарушители трудовой дисциплины, лодыри и разгильдяи чувствовали бы себя морально осужденными и изолированными в своей товарищеской среде, а передовики производства, наоборот, получали бы дополнительные стимулы к трудовым подвигам благодаря всеобщему уважению, почитанию и восхищению. Власть стремилась к тому, чтобы трудовые и бытовые процессы составляли единый, неразделимый комплекс человеческих отношений..., где плохо работать нельзя и спрятаться от работы некуда, потому что все те, кто вместе работает, живут тоже вместе» [1, с. 141]. Хотя жилище и не является единственным средством подобного воздействия на человека, оно остается, по мнению автора, «основным и самым грозным средством», потому что «и лодырь, и прогульщик, и тунеядец могут обойтись и без почетных грамот, и без букетов цветов, и без путевки в дом отдыха, и без билета в театр, и без премиального пайка, и без..., но без жилища не может обойтись никто» [1, с. 158]. Однако нередко, как показывает Меерович, «нетрудовые элементы» выселялись раньше, чем была доказана их принадлежность к «нетрудовым». Но, несмотря на ошибки, в результате которых без крыши над головой могли оказаться ни в чем не повинные люди, жилище к качестве «наказания» применялось именно к тем категориям, которые были описаны выше.

В свете сказанного нельзя не обратить внимание на один момент терминологического характера. На страницах книги автор многократно подчеркивает, что в руках советской власти жилище — это «средство принуждения к труду» [см., напр., с. 6, 11, 82, 147, 158, 169, 170, 171, 190, 199, 291]. Этой проблеме посвящена и отдельная глава, однако называется она «Жилье как средство стимулирования к труду». Очевидно, что «стимулирование» и «принуждение» — не одно и то же. Если в первом случае речь идет о том, чтобы заинтересовать в чем-то, то во втором — чтобы силой заставить что-либо делать. Поскольку автор считает, что по отношению к нетрудовым, т. е. социально чуждым советской власти элементам, жилищная политика была обращена исключительно «дискриминационной стороной» [1, с. 152, 174], то угроза лишиться жилья по причинам прогулов и пьянства — это и есть «принуждение к

труду». Однако дискриминационная жилищная политика, особенно с начала 1930-х гг., распространяется и на социально близкие советской власти категории рабочих и служащих. «Различие в принудительных действиях по отношению к социально близким и социально чуждым все более стирается», — пишет М. Г. Меерович [1, с. 190]. Таким образом, вопрос о стимулировании к труду остается открытым. В каких масштабах осуществлялось это стимулирование? Какими средствами? Давало ли оно какие-нибудь гарантии? Каковы его результаты? На страницах монографии нет ясности в этих вопросах, автор затрагивает их лишь самыми общими штрихами [1, с. 51, 212]. Думается, что ответы на них должны присутствовать в книге, включая определение места «стимулирования к труду» в общей концепции автора, ведь стимулирование — это тоже элемент влияния на людей.

* * *

Основные концептуальные положения монографии «Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917—1937 годы)» — тотальное управленческое воздействие на население, контроль власти над жизнью и деятельностью людей — развиваются и в монографии М. Г. Мееровича, Е. В. Конышевой, Д. В. Хмельницкого «Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928—1932 гг.)». Авторы подчеркивают, что «истинные цели закладки новых городов, прокладки каналов и строительства железных дорог, возведения заводов-новостроек» никогда не раскрывались в «искаженной», «парадно-лубочной», «фальшивой», «совсем недокументальной» советской «действительности», целенаправленно формируемой пропагандой [2, с. 7]. Свою задачу они видят в том, чтобы рассказать читателю «о зарождении, расцвете и умирании Идеи — идеи поселений “нового типа”, совершенно иных, нежели капиталистические города» [2, с. 9].

Авторы подчеркивают, что эти поселения «нового типа» — социалистические города, или соцгорода, — не являлись ни результатом последовательной эволюции теоретических воззрений, ни плодом естественной трансформации планировочных решений в постоянном процессе градостроительных поисков, ни итогом свободных дискуссий [2, с. 10]. Градостроительные идеи советских архитекторов-теоретиков 1920—1930-х гг. «в равной степени оказались не нужны власти»: «Ей нужно было лишь одно — свободно манипулировать населением. А архитекторы, в ее понимании, должны были заниматься формированием среды, которая бы наиболее полно соответствовала этой задаче. Соцгорода создавались таким образом, чтобы быть изначально приспособленными к задачам социального управления...» [2, с. 10, 56—57].

Достижение этих целей предполагало исключение какой-либо самостоятельности населения, всеобщую принудительную организацию жизни и деятельности людей. Этой проблеме посвящены две первые главы монографии, в которых проанализированы материалы дискуссии о социалистическом расселении, которая велась в СССР на рубеже 1920—1930-х гг. Несмотря на различие взглядов «урбанистов» и «дезурбанистов» (авторы убедительно показывают, что с точки зрения социалистического градостроения эти взгляды не были принципиально противоположными), и тех и других объединяла уверенность в том, что соцгорода должны воплотить новые формы организации быта и общественного обслуживания. Участники дискуссии стремились ответить на вопросы о специфических типах планировочных структур социалистических поселений, типах социалистического жилища, характере инфраструктуры, обеспечивающей распределительное снабжение продуктами, вещами и услугами [2, с. 49]. Как подчеркивают авторы, идеологические представления о соцгороде были основаны на «“искусственно-технической” организации процессов функционирования поселений. “Труд”, “быт”, “отдых” должны быть организуемы целенаправленно, на основе научных знаний и расчетов так, чтобы исключить неконтролируемые процессы жизнедеятельности и сформировать новые типы отношений» [2, с. 50]. В результате исключалась

какая-либо самостоятельность людей, жизнь взрослых мужчин и женщин оказывалась целиком регламентированной. Их основная жизненная задача сводилась к тому, чтобы работать, так как упразднение домашнего хозяйства, обобществление быта, уничтожиение семейных отношений и общественное воспитание детей полностью освобождали их от каких-либо других забот. Для практического воплощения идеи социалистических городов градостроительство и все связанные с ним процессы социальной организации нужно было поставить на строго плановую основу. Это предполагало использование ряда механизмов:

1. *Расчет потребности численности жителей соцгорода.* Поскольку социалистический город не являлся саморегулируемой системой и выступал элементом общегосударственной распределительной системы, возникала потребность рассчитать количество трудовых ресурсов для конкретного города, которое и стало бы его населением [2, с. 58]. Сами по себе расчеты населения не являются изобретением большевиков, однако старая методика этих расчетов оказалась теперь непригодной, потому что она учитывала естественный и механический прирост населения. Новые методики должны были исходить из количества трудовых ресурсов, которые следовало разместить в конкретном населенном пункте в соответствии с объемами и человекоемкостью размещаемой там промышленности. «А затем, используя добровольные и принудительные миграции, доставить туда именно это конкретное количество рабочих рук, обеспечить их жилищем и организовать их жизнеобеспечение» [2, с. 59].

2. *Комплектование населения соцгородов.* Авторы делают акцент на принудительном, насильственном характере этого процесса. В свою очередь он являлся двухаспектным: власть пыталась поставить под свой контроль и даже запретить естественные миграционные потоки, власть планомерно наращивала объемы принудительных перемещений [2, с. 85]. Заслуживающим внимания является рассмотрение коллективизации и раскулачивания в контексте индустриализации. Это новая постановка вопроса. Раскрестьянивание выступило как инструмент практического осуществления индустриализации — создания рабочей силы и перемещения ее на промышленные предприятия [2, с. 87—88]. Авторы выделяют 14 возможных способов перемещения людей и закрепления их на новых местах, которые условно группируются в четыре «потока»: добровольные и добровольно-вынужденные, добровольно-принудительные (планово-мобилизационные), принудительные, репрессивные [2, с. 97].

3. *Выбор территории для размещения социалистического города* был обусловлен размещением и строительством в конкретном месте промышленного предприятия, которое стало принятым называть градообразующим. Исходя из этого, комплекс вопросов, связанных с проектированием поселений, шел «вторым эшелоном», т. е. после принятия решения о размещении промышленного объекта — сначала осуществлялся выбор площадки под строительство завода и только затем определялось место для размещения селитьбы [2, с. 101]. Такой приоритет был обусловлен также тем, что выбор площадки для размещения предприятия является более сложным процессом, требующим учета многих факторов.

4. *Разработку планировочной структуры поселений нового типа.* Она должна была, по мнению авторов, максимально эффективно обеспечивать трудо- и военно-мобилизационную организацию населения [2, с. 107]. В этом случае смысловым и композиционным центром рабочего города становилось градообразующее промышленное предприятие. К основным принципам планировочной системы социалистического города авторы относят следующие положения: планировочная структура определялась сущностью соцгорода как промышленно-селитебного образования; соцгород планировался как автономное промышленно-селитебное образование; планировочное решение соцгорода организовывалось на основе стандартизации отдельных структурных элементов; соцгород представлял собой функционально зонированное пространство, где планировочное членение селитебной территории было выражено в структуре «жилой дом — жилой квартал — жилой район»; соцгород обладал развитой системой социально-бытового и культурного обслуживания, рассчитанной на стопроцент-

ный охват населения; соцгород обладал иерархически выстроенной системой общественных пространств [2, с. 132—155]. К началу второй пятилетки акцент в планировке города стал смещаться в сторону идейно-художественного оформления. Предложенные ранее принципы формирования городской структуры стали пересматриваться с художественной точки зрения: «Новый социалистический город должен был отразить задачу высокого идеологического звучания — увековечить свершившуюся победу социализма» [2, с. 158].

5. *Определение типов массового жилища соцгородов.* Типология отражала социальную неоднородность населения городов и демонстрировала различие жилищной политики советской власти по отношению к различным группам населения [2, с. 162]. Среди этих социальных групп — коммунисты и комсомольцы, вольнонаемные, спецпоселенцы, заключенные, лишенцы и прочие. Авторы группируют их по трем группам: партийно-советское руководство и иностранные технические специалисты (2—3 %), вольные (58,7 %) и невольники (38,3 %) [2, с. 163]. О типологии жилища последней категории, как отмечают авторы, сказать что-либо определенное сложно. Основным же типом жилища для так называемых «вольных» было коммунальное жилье во всех его проявлениях (коммунальные квартиры, бараки, общежития, рабочие казармы, гостиницы для совслужащих, землянки, палатки). Основной функцией такого жилища было формирование трудо-бытовых коллективов для взаимоконтроля и регулирования поведения членов этих коллективов. Авторы приходят к следующему выводу о структуре жилого фонда соцгорода: индивидуальное жилище (коттеджи) — 2 %, коммунальное жилище — 90 % (бараки, землянки и прочее — 75 %; квартиры покомнатно-посемейного заселения — 15 %), самострой — 8 % [2, с. 183].

Таковы основные структурные элементы советского градостроительства начального периода индустриализации. Общий вывод авторов монографии заключается в том, что урбанизация в СССР носила искусственный и насильственный характер. Ее искусственность проявлялась в целенаправленном и планомерном создании новых городов, насильственность — в принудительном перемещении на индустриально осваиваемые территории деревенского населения и трудовых контингентов из уже существующих городских поселений [2, с. 226, 228]. Многие решения о строительстве городов принимались властью без учета собственно градостроительных заключений, архитекторам поручалось лишь «изображать» уже готовые решения. Как пишут авторы, градостроительная теория и проектирование призваны были обеспечивать лишь «материализацию организационно-управленческих представлений о характере социалистического расселения и о соцгороде» — социально-экономическая и идеологическая составляющие государственной расселенческой политики нуждалась в дополнении профессиональными смыслами, категориями и терминами архитектуры [2, с. 230]. Основным же критерием в принятии тех или иных градостроительных решений оставались идеологические постулаты марксистской доктрины [2, с. 53].

Нельзя не заметить, что нередко встречающиеся в монографии отсылки к этим постулатам выглядят скорее традиционно, чем оправданно. Особенно с учетом того, что создателями этих постулатов нередко являлись не классики марксизма, а их советские интерпретаторы. Все же не постулаты марксизма диктовали советской власти требование размещать промышленные предприятия вблизи сырьевой базы. Когда Ф. Энгельс писал, что «...всякий капиталист, которого условия его производства — сила воды, расположение угольных копей, залежей железной руды и других рудников и т. п. — приковывает к определенной сельской местности» [3, с. 242], он лишь констатировал очевидное. Когда В. И. Ленин планировал «рациональное размещение промышленности в России с точки зрения близости сырья» [4, с. 228], он лишь стремился следовать общемировой практике.

«Основной градостроительный принцип сталинской эпохи», который «полностью соответствовал задачам индустриализации» авторы монографии формулируют следующим образом: «...Новые промышленные предприятия должны строиться там, где это экономически

выгодно с точки зрения обеспечения сырьем и энергией» [2, с. 35]. И далее: «Власть считает стратегически правильным перемещение промышленности в сырьевые регионы — тем самым, она сводит к минимуму транспортные издержки на перевозку сырья, колонизирует территории...» и т. д. [2, с. 56]. Уместно привести и более обширную цитату: «В советской доктрине размещения промышленности рабочая сила не является "определяющим показателем". В отличие от принципов размещения промышленности, зафиксированных в западноевропейской теории, где концентрация рабочей силы является одним из основных критериев, "притягивающих" к себе места строительства новых фабрик и заводов, размещение советской промышленности основано на постулате: "переместим рабочие руки туда, куда нужно и сколько нужно". Конкретные места возведения новых предприятий определяются исходя из задачи приближения к местам залегания природных ископаемых, к лесным, топливным и гидроэнергетическим ресурсам. А население должно беспрекословно перемещаться вслед за промышленностью» [2, с. 90]. Справедливости ради скажем, что в «западноевропейской теории» этот вопрос решается как минимум не так однозначно или даже однозначно не так. Ряд западных градостроителей считают необходимым размещение предприятий тяжелой промышленности возле источников сырья [5, с. 182]. Именно так размещались до 1917 г. и промышленные предприятия России, ориентированные на крупное производство.

С концепцией социалистических городов авторы связывают и появление «градообразующих предприятий» [2, с. 100, 120], тогда как градообразующим фактором промышленное предприятие в России становится еще во второй половине XIX в. Далеко не всегда «новые индустриальные города создаются, как правило, "на пустом месте"» [2, с. 58]. В годы индустриализации они строились и на уже существующей базе. Так, ко времени строительства Магнитогорского комбината и города Магнитогорска добыча руды велась здесь уже 170 лет.

В контексте исторического развития России многое в действиях советской власти вовсе не выглядит уникальным. По своему характеру большевистская власть была традиционной для России авторитарной властью, которая всегда стремилась контролировать поведение людей и подчинять их себе, свободно вмешивалась в общественные процессы, регулируя и регламентируя их в своих интересах. История российских городов является тому ярким примером. Город как «средство социального управления» был известен задолго до большевиков. Создание и развитие городов всегда входило в сферу особой заинтересованности власти.

«Мы знаем, что большая часть новых городов и городков Московского государства, — читаем у В. О. Ключевского, — возникла не вследствие экономических потребностей страны, но вследствие государственных соображений, по распоряжениям правительства» [6, с. 251—252]. Если во времена, описываемые Ключевским, это были мотивы, прежде всего, военного характера, то в XVIII в. им на смену пришли чисто управленческие и контролирующие соображения. Города стали основываться по приказанию власти как центры управления и политического контроля. Именно тогда возникли, по словам В. П. Семенова-Тян-Шанского, беспрецедентные для мировой практики чисто русские термины «упразднение городов» и «возведение сел на степень городских поселений» — так по решению столичной администрации города превращались в села и села в города [7, с. 43].

При Екатерине II таким путем за 1775—1785 гг. в европейской части России возникли более 140 городов. Точно так же, директивным путем, Россия тогда же была разделена на губернии и уезды: из расчета 300—400 тыс. жителей на губернию и 20—30 тыс. на уезд [7, с. 44; 2, с. 112]. Аналогичной по характеру — планируемой, контролирующей и регламентирующей — была расселенческая и градостроительная политика российских властей вплоть до начала XX в. Проблемой, с которой при этом сталкивалась власть, было жилье. Ее решение, в свою очередь, оказалось тесно связано с такой градостроительной проблемой, как неконтролируемая застройка. Решение этой проблемы было возможно путем перехода на проектирование и план как механизм развития города: «Вопрос о планомерной застройке городов в настоящее время

во всем культурном мире, за исключением России, привлекает к себе серьезнейшее внимание и признается вопросом общегосударственной важности» [8, с. VIII].

М. Г. Меерович верно указывает, что основным условием появления жилища является земля [1, с. 11]. Именно этот фактор в ракурсе его частновладельческого свойства стал осмысливаться архитектурной мыслью России еще до революции. Причем подчеркивалась необходимость подчинения частных интересов общественным. Говоря о планомерности развития города, М. Г. Диканский в 1915 г. писал: «Кроме России, во всех европейских государствах... не останавливались перед нарушением священного права собственности, производили принудительное отчуждение земель, издавали специальные законы с целью борьбы с земельной спекуляцией, закрывали целые антигигиенические кварталы и всякими способами старались улучшить условия городской жизни» [8, с. 146]. Как подчеркивается в современной литературе, в начале XX в. идея о необходимости подчинения частновладельческих интересов общегородским для планомерного развития города завоевывала все больше сторонников, а принятые большевиками изменения в строительном законодательстве и организации строительства были подготовлены градостроительной мыслью России 1900—1910-х гг. [9, с. 137].

Рубеж XIX—XX вв. выделяется как время формирования в России собственно градостроительной *политики* (хотя сам этот термин имеет более позднее происхождение), потому что именно тогда эта деятельность «становится результатом сочетания глобальных экономических, социальных и военно-стратегических интересов страны» [10, с. 326]. Осмысленная властью взаимосвязь таких градообразующих факторов, как сырьевая база, транспортные пути, промышленные предприятия, военные объекты, миграция населения и др., и определяла, появиться ли в том или ином месте новым городам. Градостроительная политика советской власти не была беспрецедентно новой и в значительной степени основывалась на предшествующем опыте, продолжала дореволюционное строительство и развитие городов. Как и ранее, она преследовала цель использовать город в качестве средства социального управления, безусловно, модифицируя и ужесточая его механизмы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Меерович, М. Г.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917—1937 годы) / М. Г. Меерович. М. : РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 303 с.

2. *Меерович, М. Г.* Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928—1932 гг.) / М. Г. Меерович, Е. В. Конышева, Д. В. Хмельницкий. М. : РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 270 с.

3. *Ленин, В. И.* Набросок плана научно-технических работ / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. М. : Госполитиздат, 1962. Т. 36. 741 с.

4. *Энгельс, Ф.* К жилищному вопросу / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 18. С. 203—284.

5. *Гибберд, Ф.* Градостроительство / Ф. Гибберд. М. : Стройиздат, 1959. 346 с.

6. *Ключевский, В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве / В. О. Ключевский. Пг. : Лит.-изд. Отдел Комиссариата Народного Просвещения, 1918. 333 с.

7. *Семенов-Тян-Шанский, В.* Город и деревня в Европейской России / В. Семенов-Тян-Шанский. СПб. : Типография В. Ф. Киршбаума, 1910. 212 с.

8. *Диканский, М. Г.* Постройка городов, их план и красота / М. Г. Диканский. Пг. : Изд. Н. П. Карбасникова, 1915. 308 с.

9. Градостроительство в России середины XIX — начала XX века. Кн. 2 / под общ. ред. Е. И. Кириченко. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 560 с.

10. Градостроительство в России середины XIX — начала XX века. Общая характеристика и теоретические проблемы / под общ. ред. Е. И. Кириченко. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 340 с.

Статья поступила в редакцию 17 июня 2011 г.